

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Шавеко Н.А. Прямая демократия как нормативный идеал: критический анализ // Право и политика. 2025. № 5.
DOI: 10.7256/2454-0706.2025.5.70187 EDN: UFFNPE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70187

Прямая демократия как нормативный идеал: критический анализ

Шавеко Николай Александрович

кандидат юридических наук

старший научный сотрудник, Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН

426077, Россия, республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Пушкинская, 157, кв. 1

✉ nickolai_91@inbox.ru

[Статья из рубрики "Теория"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.5.70187

EDN:

UFFNPE

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2024

Аннотация: Предметом статьи является нормативный анализ прямой демократии, а именно выявление её достоинств и недостатков, определение базовых условий и факторов, при которых эти достоинства и недостатки проявляются. С этой целью автор перечисляет аргументы «за» и «против» прямой демократии, которые наиболее часто встречаются в современной западной научной литературе по данной теме. Приводятся наиболее популярные классификации видов голосований, и показывается те достоинства и недостатки, которые обычно приписываются учеными каждому из этих видов. Одновременно демонстрируется, что между учеными, опирающимися на массивы эмпирических данных, отсутствует согласие по многим вопросам, касающимся влияния тех или иных факторов на приемлемость результатов прямой демократии, а потому окончательное нормативное обоснование применения институтов прямой демократии возможно только применительно к конкретным институтам в конкретных обстоятельствах.

Исследование, при этом, носит сугубо теоретический, а не эмпирический характер. Эмпирические данные используются исключительно для формулирования теоретических обобщений, например в части порядка инициирования референдумов и обязательной силы решений, принимаемых на референдуме. Показывается, что возможно

сформулировать ряд общих рекомендаций, которые позволяют актуализировать положительные следствия прямой демократии, и избежать отрицательных, а именно: прибегая к прямой демократии, следует 1) соотносить объем сферы применения прямой демократии с гражданской культурой общества; 2) оценивать такие факторы, как однородность предпочтений граждан, личный интерес политических представителей, наличие влиятельных групп, лоббирующих частные интересы, а также характер вопроса (технический или нет) и доступность информации; 3) максимально задействовать совещательные механизмы на стадии, предшествующей непосредственному волеизъявлению народа; 4) грамотно встраивать институты прямой демократии в существующую систему сдержек и противовесов; 5) приоритет отдавать голосованиям, инициированным «снизу-вверх»; 6) по возможности придавать решениям, принятым на голосованиях, обязательный характер.

Ключевые слова:

прямая демократия, референдум, теория демократии, легитимность, популизм, подотчетность, совещательные опросы, делиберация, демократия участия, голосование

Введение.

Прямая демократия многими воспринимается как некий идеальный образ политического устройства, как своего рода «чистая демократия». Так, например, Т. Джефферсон считал ее первой и высшей по значимости формой демократического правления [\[20, с. 42-43\]](#). Однако нельзя не отметить, что в целом попытки современных политиков и ученых найти выход из кризиса легитимности, охватившего западные демократические страны, имеют двойственный характер: одни утверждают, что демократии сегодня слишком много, другие же полагают, что демократии стало слишком мало [\[9, р. 4-9\]](#). Соответственно, первые весьма подозрительно относятся к прямой демократии, вторые – видят в ней лекарство.

В связи с этим актуализируется вопрос о том, каковы достоинства и недостатки прямой демократии, и можно ли рассматривать прямую демократию как идеальную модель демократии? Именно этому вопросу и посвящена данная статья. Её цель – определить, всегда ли и в каких именно случаях прямая демократия ведет к тому, что частные интересы граждан, а также идеалы социальной справедливости выражаются наиболее полно и реализуются наиболее эффективно. Конечно, любая оценка прямой демократии должна основываться на эмпирических данных, однако если удастся выявить некоторые устойчивые закономерности в огромных массивах эмпирических данных, то это позволит сделать и некоторые нормативные выводы.

Под институтами прямой демократии мы далее будем понимать референдумы (в т.ч. аброгативные, а также связанные с законодательной инициативой) и т.п. формы принятия решений, предполагающие голосование или учет мнений граждан (членство в группах давления, консультативных советах, участие в демонстрациях и пр.), в то время как политические выборы (а также всё, что с ними так или иначе связано), следуя другим авторам [\[22, с. 316-317\]](#), к институтам прямой демократии относить не будем.

Достоинства, недостатки и место прямой демократии.

Нормативная обоснованность прямой демократии широко обсуждается в научной

литературе, при этом практически в каждом исследовании на эту тему упоминаются одни и те же достоинства и недостатки прямой демократии [\[22, с. 78-85; 9, р. 97-120; 2, р. 42-44; 13, р. 8\]](#). Среди основных достоинств прямой демократии необходимо выделить способствование чувству гражданственности (посредством непосредственного политического участия люди становятся более информированными и ответственными в политических вопросах), поддержанию легитимности и подконтрольности власти, преодолению политического отчуждения (через прямую демократию воплощается «народный суверенитет», т.е. действительное самоуправление, и даже голосования с консультативным статусом, как минимум, помогают народу доносить свои нужды до правительства), а также учет коллективного жизненного опыта народа и способствование публичному обсуждению важных проблем. В свою очередь к основным недостаткам прямой демократии целесообразно отнести возможность принятия менее взвешенных/компетентных решений (ввиду манипуляции народными массами как со стороны власти, так и со стороны частных групп, а также ввиду издержек, связанных с политическим участием), менее справедливых решений («тирания большинства», ориентация народных масс на status quo и т.п. феномены), а также возможность подрыва роли и ответственности представительных органов (политика «умывания рук»), нарушения принципа разделения властей в угоду диктатору (плебисцитаризм и т.п.).

Конечно, перечисленные достоинства и недостатки признаются не всеми исследователями. Но приведенный список всё же представляется весьма полезной общей нормативной характеристикой институтов прямой демократии. По нашему мнению, само по себе перечисление наиболее вероятных положительных и отрицательных качеств таких институтов имеет научную ценность, поскольку напоминает исследователям, гражданам и политикам о том, на каких именно факторах следует сосредоточить внимание.

Непосредственное же проявление достоинств и недостатков всегда зависит от множества конкретных обстоятельств: дьявол кроется в мелочах. Приведем лишь несколько примеров. Так, например, одни ученые доказывают, что менее компетентные избиратели ориентируются на более компетентных, копируя выбор последних, и тем самым недостаточная компетентность избирателей в целом не является серьезной проблемой, однако другие ученые ставят эти выводы под сомнение. Не менее спорным является и вопрос о роли денег в формировании общественного мнения: одни авторы настаивают на жестких ограничениях по финансированию агитационных кампаний, тогда как другие не усматривают серьезных угроз механизмам прямой демократии со стороны крупных финансистов, поскольку денежные вклады вносятся также и простыми гражданами, а кроме того, существуют более влиятельные, чем деньги, факторы. Помимо этого, одни утверждают, что деньги имеют большее значение при агитации против какой-либо инициативы, чем при агитации за нее, другие же указывают на более сложный характер закономерностей. Разнятся также оценки влияния позиций политических партий на общественное мнение, оценки шансов правых и левых партий на результативную агитацию, оценки степени угроз для меньшинств и индивидуальных прав при использовании механизмов прямой демократии, оценки легитимационного и, напротив, конфликтогенного потенциала прямой демократии и т.д. По всем этим вопросам существует огромный пласт научной литературы, в целом показывающий их крайнюю дискуссионность, а также неоднозначность эмпирических данных [\[17, р. 290-296, 371-387\]](#). Причем большинство ученых в целях преодоления «местечкового» характера своих выводов, ссылаются на эмпирические исследования, в которых задействованы большие объемы данных, но даже такой методологический подход не спасает от обилия

противоречащих друг другу выводов.

В связи с многообразием и противоречивостью эмпирических данных возникает вопрос, в каких формах возможно развивать общую теорию прямой демократии, чтобы она при этом имела эвристическую ценность? С тех пор, как Г. Смит заявил, что общая теория референдума вряд ли может быть построена (1975) [\[16\]](#), значительный исследовательский интерес составлен на разработку типологии и классификаций институтов прямой демократии, и выявление наиболее вероятных положительных и отрицательных сторон применительно к каждому типу в отдельности, а не к прямой демократии в целом [\[15, p. 106; 2, p. 193-195; 17, p.34\]](#). Таким образом, классификация является одним из способов, с помощью которых мы можем развивать общую теорию прямой демократии, не сосредотачиваясь на исследовании влияния конкретного института прямой демократии в конкретных исторических условиях.

Наиболее популярно в научной литературе выделение следующих видов голосований: 1) обязательное (предусмотренное законом); 2) инициированное «снизу» (как правило, группами граждан); 3) инициированное «сверху» (органами власти или правящей элитой). Так, например, инициированные «сверху» голосования имеют такой специфический плюс, как легитимация принимаемых властью решений, а кроме того, они способствуют разрешению конфликтов между ветвями власти. Вместе с тем, уход власти от ответственности или нарушение системы сдержек и противовесов между ветвями власти наиболее вероятны именно в таких видах голосований; кроме того, инициативы «сверху» могут использоваться для блокировки исходящих «снизу» народных инициатив. В свою очередь, инициированные «снизу» голосования имеют такой специфический плюс, как возможность непосредственного контроля власти («отзывчивость правительства»), но они могут быть подтверждены манипуляциям со стороны влиятельных групп, а также порождать политические кризисы. Обязательные же референдумы в основном критикуются за их малую эффективность и/или способствование «статусу кво», но тем не менее в научных дискуссиях им была найдена оптимальная ниша – обеспечение конституционной стабильности.

Достоинства и недостатки каждого из приведенных видов голосований показывают, что прямая демократия в принципе может играть лишь ограниченную роль в выравнивании реальных политических возможностей граждан. В конце концов, как заметил К. Макферсон, даже при прямой демократии «кто-то должен формулировать вопросы» для голосования [\[21, с. 144\]](#), а Р.Даль называл контроль над повесткой дня одним из ключевых признаков демократии [\[19, с. 169\]](#). Но эффективно контролировать повестку дня возможно только в малых группах, где каждый может поставить свой вопрос на обсуждение.

Также большинство ученых акцентирует разделение голосований, происходящих в демократических и в недемократических странах. В последнем случае институты прямой демократии практически лишены своих положительных качеств, представляя собой инструмент для укрепления власти диктатора: редкие исключения в виде Уругвая (1980) и Чили (1988) лишь подтверждают правило.

Наконец, голосования в научной литературе часто различают по юридической силе их результатов, выделяя обязательные (результаты которых имеют юридическую силу, причем, как правило, большую, чем обычный закон) и консультативные (результаты которых не имеют юридической силы) механизмы прямой демократии. Отмечается, например, что хотя консультативные голосования помогают выявить предпочтения

граждан, представляя собой своеобразный сигнал для правящей элиты, однако если последняя игнорирует данные сигналы, такие голосования могут привести к падению, а вовсе не к повышению легитимности власти.

Таким образом, современные исследователи с помощью той или иной классификации пытаются сузить предмет своих эмпирических исследований, чтобы выявить те или иные общие закономерности применения институтов прямой демократии: о плюсах и минусах прямой демократии теперь говорят не в целом, а применительно к тому или иному виду прямого волеизъявления народа.

Вместе с тем, не следует забывать, что некоторое сужение предмета исследований само по себе недостаточно. Ведь даже уточненные достоинства и недостатки прямой демократии можно рассматривать лишь в качестве базовых гипотез, подлежащих учету при внедрении тех или иных практик. Иными словами, поскольку проявление положительных и отрицательных черт институтов прямой демократии зависит от деталей организации этих институтов, исследовать необходимо не только виды прямой демократии, но и каждую конкретную практику отдельно, и уже применительно к ней говорить о том, как проявляются вышеприведенные, а также иные факторы (достоинства и недостатки).

С учетом изложенного, общетеоретическое исследование институтов прямой демократии весьма затруднительно. Однако ниже мы всё-таки попытаемся сделать некоторые общие нормативные выводы о том, какое место институты прямой демократии должны занимать в политическом устройстве.

Итак, с учетом вышеизложенного, постараемся ответить на вопрос о том, какое место в политической системе должны занимать институты прямой демократии. Данный вопрос, отметим, является общетеоретическим, и ответ на него должен строиться с учетом вышеотмеченных плюсов и минусов прямой демократии, а также эмпирически подтвержденных вероятностей их проявления и факторов, влияющих на такую вероятность. Ответ на этот вопрос предполагает выделение столь же общих обстоятельств, которые минимизируют проявление негативных, и максимизируют проявление позитивных черт прямой демократии. В этом отношении, как мы полагаем, важнейшими являются следующие выводы.

Во-первых, широта применения механизмов прямой демократии должна соотноситься с желанием народа участвовать в политике, в противном случае цель может не оправдать средства. Издержки политического участия необходимо соотносить с получаемыми от такого участия благами. Если эти издержки чрезмерно возрастают из-за масштабного внедрения институтов прямой демократии, то гражданам приходится жертвовать слишком многим ради выполнения гражданского долга, чем непременно воспользуются лоббисты. В более широком контексте использование институтов прямой демократии в той или иной стране должно принимать во внимание особенности политической культуры и даже исторического прошлого данной страны. Сказанное, впрочем, не исключает необходимости периодически побуждать граждан к занятию более активной политической позиции, поскольку из-за сложности социальных связей граждане не всегда понимают значительность негативных последствий, к которым может привести их абсентеизм.

Во-вторых, необходимо сделать акцент на делиберативных, а не плебисцитарных формах прямой демократии, а также обеспечить получение гражданами достоверной, доступной и достаточной информации по вопросам, разрешаемым путем их непосредственного

волеизъявления. Соответственно, прямая демократия допустима лишь по вопросам, относительно которых возможно и целесообразно организовать получение каждым гражданином надлежащей информации, а также цивилизованное обсуждение данной информации всеми слоями общества. Это означает, что прямая демократия требует подробной регламентации (модерирование общественных дискуссий и формулировок выносимых на голосование вопросов, ограничения на агитационные действия и т.п.), что само по себе делает прямую демократию более «опосредованной», т.е. в некотором смысле противоречит ее сути. Обсуждения особенно важны с учетом того, что одним из распространенных аргументов против прямой демократии является указание на то, что прямая демократия нарушает совещательные процессы между партиями [\[4, p. 248\]](#). Компенсировать этот недостаток можно, вынеся эти обсуждения на всенародный уровень. Впрочем, поскольку всеобщее обсуждение в большинстве случаев выглядит несколько утопично, постольку «делиберация» в области прямой демократии должна пониматься скорее как обдуманность (рефлексия), чем как реальное обсуждение. Вместе с тем, существуют весьма интересные практики формирования совещательных органов *ad hoc*, которые могут делать заявления относительно предстоящего всеобщего голосования (напр., комиссии по рассмотрению гражданских инициатив, существующие в ряде штатов США [\[1, p. 186-190; 17, p. 471-473\]](#) - аналогичные комиссии, как представляется, могли бы создаваться и в отношении голосований, инициируемых «сверху-вниз»).

В-третьих, институты прямой демократии должны гармонизировать с существующей в конкретном обществе системой сдержек и противовесов, не подменяя собой представительные и иные государственные и муниципальные органы. Поскольку политическая система организована в каждом обществе по-разному, постольку здесь невозможны какие-либо конкретные рекомендации. Однако можно подчеркнуть основную трудность, связанную с тем, что инициатива обращения к воле народа зачастую исходит как раз от тех органов, которые прямая демократия должна ограничивать, и это увеличивает опасность манипулирования народными массами. Очень часто референдумы используются отдельными ветвями государственной власти в стратегических целях, т.е. для изменения баланса сил, при этом более успешна в реализации этих целей, как правило, исполнительная ветвь власти [\[18\]](#). Вот почему наиболее демократическими в научной литературе справедливо называют лишь такие акты прямого волеизъявления граждан, которые осуществляются по принципу «снизу вверх», т.е. по инициативе самих граждан [\[2\]](#). Понятно, что такой способ имеет свои ограничения, сужающие сферу его применения. Поэтому в научной литературе нередко высказываются призывы сформировать специальные совещательные органы власти, которые будут вправе инициировать референдумы, минуя этап сбора подписей [\[6, p. 77-101\]](#). Подобные предложения, на наш взгляд, обоснованы лишь если данные органы власти будут формироваться непосредственно народом или если их независимость от других органов власти будет надежно обеспечена иным образом.

Как учесть все названные обстоятельства одновременно? Такие авторы, как Р. Даль [\[19, с. 517-518\]](#) и Дж. Фишкин [\[5\]](#), казалось бы, нашли элегантный выход из ситуации в создании малых групп, создаваемых посредством жеребьевки из представителей различных слоев населения с целью обсуждения политических вопросов: это и снижает издержки, и позволяет провести полноценные обсуждения в условиях полноты информации, и определенным образом сдерживает иные центры власти. Сегодня также популярна идея формирования государственных органов случайным образом (посредством жеребьевки), ее даже пытаются распространить на исполнительную и

судебную власть, а также на управление предприятиями [\[3, p. 61-100\]](#). Однако такой «выход», при всей его привлекательности, на самом деле является не только отрицанием прямой демократии, но и демократии вообще, потому что представители народа теперь избираются не столько народом, сколько из народа, т.е. вообще без волеизъявления самого народа (на место воли народа приходит воля случая). Вот почему перспективы прямой демократии сегодня могут показаться сомнительными. К тому же обсуждение политических проблем «мини-общественностью» эффективно лишь при таких условиях, которых, как правило, недостает и институтам прямой демократии, а именно: независимость процедур от органов власти, обязательный характер решений, принимаемых по итогам процедур и т.д. В научном сообществе, однако, относительно данных перспектив согласие отсутствует: американские ученые, как отмечается, более скептичны по отношению к институтам прямой демократии, чем их европейские коллеги [\[2, p. 190\]](#). В связи с этим целесообразно рассмотреть иные способы одновременного учета основных нормативно значимых факторов при использовании институтов прямой демократии.

Одну из таких попыток предпринял латиноамериканский исследователь Д. Альтман, который в своих работах исходит из следующих предпосылок. Во-первых, он предлагает не рассматривать прямую демократию как панацею, и не предъявлять к ней завышенных требований. Прямая демократия, по мнению данного исследователя, является лишь дополнением к представительным институтам, решающим ограниченный круг задач (наиболее важных). Так, она может оказаться тем инструментом, который воспрепятствует чрезмерной институционализации, заостренности политической сферы, заставит политиков считаться с народом не только перед выборами, но и в иные периоды, а также повысит легитимность публичной власти, разрешит конфликты между различными ветвями публичной власти или политическими силами (даже сама возможность использования такого инструмента, связанного со значительными затратами ресурсов, будет побуждать конфликтующие стороны искать компромиссы). В любом случае речь идет об ограниченном круге задач и ограниченной сфере применения. Во-вторых, ученый концентрирует свое внимание на прямой демократии, осуществляемой по инициативе граждан («народные инициативы» по выдвижению законопроектов, или «референдумы», на которых планируется одобрение уже существующих законопроектов), поскольку таковая с меньшей вероятностью подвержена манипуляциям и искажению со стороны публичной власти, а также на голосованиях, результаты которых имеют обязательный, а не консультативный статус. В-третьих, автор уделяет особое внимание условиям, при которых принимаемые непосредственно народом решения будут наилучшими. Вообще, Альтман исходит из предположения, что граждане способны понимать сложные проблемы и принимать продуманные решения. И надо сказать, что если воспринимать прямую демократию как чрезвычайный инструмент, подключаемый лишь в кризисной ситуации и по наиболее важным вопросам, а не как регулярный способ принятия решений, то подобное предположение не лишено смысла, так как это снимает многие контрдоводы демократических элитистов. Но кроме этого рассматриваемый ученый высказывает несколько рекомендаций, касающихся количества подписей, подлежащих сбору в поддержку инициативы, сроков сбора таких подписей, формулировок вопросов для голосования и т.д. [\[1, p. 172-180\]](#)

Другой автор, Дж. Матсусака, предложил несколько упрощенных критериев, позволяющих определить применимость институтов прямой демократии. Ученый исходит из того, что представительная демократия лучше справляется с получением технической информации, тогда как прямая демократия – с получением информации о предпочтениях

граждан. Следовательно, технические вопросы должны решаться представителями, а вопросы ценностей и интересов – напрямую народом. Представляется, что данный тезис далеко не всегда верен, однако мы могли бы использовать его как рабочую гипотезу. Из этого тезиса, в свою очередь, рассматриваемый автор выводит следующие критерии. Народу следует делегировать решение политического вопроса представителям в случае, если: 1) представители понимают предпочтения граждан по данному вопросу (в частности, эти предпочтения достаточно однородны); 2) представители не имеют личной заинтересованности в этом вопросе; 3) отсутствуют какие-либо влиятельные лобби в данном вопросе. В свою очередь народ должен самостоятельно (напрямую) решать политический вопрос, если: 1) данный вопрос не является техническим; 2) для его решения у избирателей имеется достаточно информации, в т.ч. в виде «информационных ярлыков». Таким образом, исследователь предлагает пять критериев, так или иначе влияющих на эффективность прямой демократии: однородность предпочтений граждан, личный интерес представителей, наличие групп интересов, технический характер вопроса и доступность информационных подсказок. С учетом данных критериев Матсусака полагает, что с помощью прямой демократии должны решаться такие вопросы, как ограничение сроков полномочий представителей, пенсионное обеспечение государственных служащих, ограничение государственного долга, объявление необоронительной войны, заключение базовых международных соглашений, применение смертной казни, антитабачное регулирование, миграционная политика, перераспределение доходов и богатств (прогрессивное налогообложение и т.п.) и др. [\[11, p. 217-228\]](#)

Как представляется, относительно сферы применения институтов прямой демократии позиция Альтмана, который полагает, что люди готовы участвовать в голосованиях лишь по наиболее важным вопросам, и не готовы тратить свои ограниченные ресурсы на менее важные вопросы, более обоснована, чем позиция Матсусаки, в силу которой народ должен голосовать по всем вопросам, которые не являются чисто «техническими», и по которым у него имеется надлежащая информация. Альтман совершенно верно призывает учитывать культурный контекст. Его точка зрения, конечно, не исключает необходимости демонстрировать народу особую важность для них определенных вопросов, если сам народ по тем или иным причинам (сложность причинно-следственных связей, недостаток информации, манипуляции массовым сознанием со стороны политиков и т.п.) таковую не осознает. Но эта точка зрения, по крайней мере, не заставляет людей принимать решения по «нетехническим» вопросам в случае, если ими недостаточно отрефлексированы собственные ценности и интересы, а также не вынуждает людей принимать огромное количество решений за короткий период. Впрочем, указание Матсусаки на то, что народу не следует поручать решение слишком сложных и «технических» вопросов, также верно. Короче говоря, целесообразно объединить разнообразные ограничения на применение механизмов прямой демократии, отстаиваемые Альтманом и Матсусакой, а именно: такие механизмы следует применять лишь по наиболее важным вопросам, которые не являются узкоспециальными («техническими»), и по которым у народа имеется надлежащая информация. Теоретически механизмы прямой демократии, по нашему мнению, неприменимы также к вопросам, которые хотя и достаточно важны, и не являются «техническими», но при этом требуют максимально оперативного решения, не оставляющего места для информирования и рефлексии масс. Однако привести примеры таких вопросов достаточно трудно (возможно, таковыми являются некоторые моральные дилеммы, возникающие на войне или в иных «нестандартных» ситуациях).

В рамках рассматриваемой темы стоит упомянуть также и то, как Р. Гудин и К. Спикерман

в рамках эпистемологического обоснования демократии предприняли попытку сравнить представительную и прямую демократию в контексте теоремы Кондорсе о присяжных [7, p. 244-259]. Общий вывод, следующий из этой теоремы, состоит в том, что правильность групповых решений увеличивается по мере увеличения численности группы, если средняя компетентность членов группы выше 50%. При этом ученые делают предположение (которое, безусловно, можно оспаривать), что, как правило, это требование о компетентности выполняется. Соответственно, прямая демократия имеет преимущество перед представительной хотя бы потому, что в первой задействовано большее число людей, чем во второй. Гудин и Спикерман показывают, что даже если каждый отдельный представитель существенно превышает по уровню компетентности среднестатистического избирателя, решения представительного органа всё равно будут дальше от истины, чем непосредственные решения народа, просто за счет масштаба участия. Впрочем, разница между компетентностью народа и парламента, замечают авторы, будет незначительной, а потому за счет возможности делиберации (появляющейся в малых группах) парламентарии могут даже чаще, чем народ, приходить к правильным решениям. В целом же выводы рассматриваемых авторов представляются крайне умозрительными, ведь сами Гудин и Спикерман признают множество других эпистемологически значимых факторов (например, в больших группах выше разнообразие взглядов, что положительно сказывается на эпистемологической эффективности, однако малые группы, в свою очередь, позволяют воспользоваться преимуществами «эпистемического разделения труда»). В научной литературе проводятся также сравнения между прямой и представительной демократией в рамках подхода Хонга-Пейджа, подчеркивающего роль разнообразия в принятии правильных решений: выводы таковы, что при определенной организации представители могут оказаться даже более эффективны эпистемически, чем представляемые [8]. Впрочем, эти выводы также построены на абстрактных моделях, а потому умозрительны.

Заключение.

Итак, прямая демократия in abstracto имеет как достоинства, так и недостатки (которые можно рассматривать как типичные или как наиболее вероятные). Однако существуют ряд общих рекомендаций, позволяющих актуализировать положительные следствия прямой демократии, и избежать отрицательных, а именно: 1) соотносить объем сферы применения прямой демократии с гражданской культурой общества; 2) прибегая к прямому голосованию, оценивать такие факторы, как однородность предпочтений граждан, личный интерес представителей, наличие групп интересов, характер вопроса и доступность информации; 3) в рамках практики прямой демократии максимально задействовать совещательные механизмы; 4) грамотно встраивать институты прямой демократии в существующую систему сдержек и противовесов; 5) приоритет отдавать голосованиям, инициированным «снизу-вверх»; 6) по возможности придавать решениям, принятым на голосованиях, обязательный характер.

С учетом изложенного, даже если мы займем достаточно жесткую позицию относительно ограничений на прямую демократию, объединив позиции таких авторов, как Д. Альтман, Дж. Матсусака, К. Спикерманн и Р. Гудин, всё-таки неизбежен вывод, что в условиях современного кризиса легитимности представительной формы правления ставка на прямую демократию весьма перспективна, а сферу прямой демократии следует радикально расширить по сравнению с тем, который на данный момент присутствует в большинстве западных государств, даже несмотря на то, что институты прямой демократии не являются панацеей, и представляют собой лишь периодическое дополнение к постоянно действующим органам власти. Речь идет, в частности: о

расширении круга вопросов, разрешаемых путем всеобщих голосований; об увеличении числа и видов механизмов прямой демократии, иницируемых самими гражданами, а также парламентским меньшинством или местными властями; об увеличении доли механизмов прямой демократии, иницируемых парламентом, по сравнению с долей таковых, иницируемых правительством; об увеличении доли механизмов прямой демократии, результаты применения которых имеют обязательную силу; о снижении требований, которые необходимо удовлетворить гражданам для выдвижения инициативы; о практически повсеместной отмене требований к кворуму участия в голосовании. Конечно, по каждому из указанных параметров не следует впадать и в противоположную крайность, но на данный момент направление реформ для большинства государств (за исключением Швейцарии, где прямая демократия весьма развита) вполне очевидно. Многие исследователи подчеркивают, что количество референдумов в мире стабильно растет последние полвека, однако на самом деле тенденция эта не линейна, к тому же общая статистика складывается под значительным влиянием лишь нескольких стран [\[12, p. 6-7\]](#) или конкретных проблем (европейская интеграция, распад СССР и т.п.) [\[12, p. 51-53\]](#), а помимо количества референдумов должно учитывать и их качество. Поэтому не должно быть никаких иллюзий относительно того, что сфера применения прямой демократии якобы и так расширяется. Тем более что лишь единичные страны в достаточном количестве практикуют голосования по инициативе граждан, парламентского меньшинства или местных властей («снизу-вверх») [\[17, p. 37\]](#), а в целом количество инициативных голосований даже сокращается [\[14, p. 266\]](#). Более взвешенные оценки сводятся к тому, что частота проведения национальных референдумов, а также роль "народа" в этих референдумах сильно переоценены [\[10, p. 278\]](#). К этому следует добавить, что власть обычно прибегает к таким формам непосредственного участия народа в принятии решений, которые заведомо легко контролируются властью (публичные слушания, общественные советы и т.п.). Таким образом, реформирование институтов прямой демократии имеет большой потенциал для большинства государств.

Библиография

1. Altman D. *Citizenship and Contemporary Direct Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
2. Altman D. *Direct democracy worldwide*. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
3. Asimakopoulous J. *Social Structures of Direct Democracy: On the Political Economy of Equality*. Leiden, Boston: Koninklijke Brill, 2014.
4. Cronin T. *Direct Democracy: The Politics of Initiative, Referendum and Recall*. Cambridge: Harvard University Press, 1989.
5. Fishkin J.S. *When the people speak. Deliberative Democracy and Public Consultation*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2009.
6. Gardels N., Berggruen N. *Renovating Democracy Governing in the Age of Globalization and Digital Capitalism*. Berkeley, CA: University of California Press, 2019.
7. Goodin R., Spiekermann K. *An Epistemic Theory of Democracy*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
8. Grim P., Bramson A., Singer D., Berger W., Jung J., Page S. Representation in models of epistemic democracy // *Episteme*. 2018. № 17. Pp. 1-21.
9. Haskell J. *Direct democracy or representative government? Dispelling the populist myth*. Boulder, CO, Oxford: Westview Press, 2001.
10. Hollander S. *The Politics of Referendum Use in European Democracies*. Cham,

Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019.

11. Matsusaka J.G. Let the People Rule: how direct democracy can meet the populist challenge. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2020.

12. Referendum democracy: citizens, elites and deliberation in referendum campaigns / Ed. by M. Mendelsohn and A. Parkin. New York: Springer, 2001.

13. Referendums and Representative Democracy: Responsiveness, accountability and deliberation / Ed. by M. Setälä and Th. Schiller. New York: Routledge, 2009.

14. Referendums around the world / Ed. by M. Qvortrup. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018.

15. Setälä M. Referendums and Democratic Government: Normative Theory and the Analysis of Institutions. London & New York: Springer, 1999.

16. Smith G. The Referendum and Political Change // Government and Opposition. Vol. 13. No. 1. 1975. Pp. 294-305.

17. The Routledge Handbook to Referendums and Direct Democracy / Ed. by Morel L., Qvortrup M. Abingdon & New York: Routledge, 2018.

18. Walker M.C. The Strategic Use of Referendums: Power, Legitimacy, and Democracy. New York: Palgrave, 2003.

19. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.

20. Томас Джефферсон о демократии. / Сост. С. К. Падовер. – СПб.: Рес Гумана, Лениздат, 1992.

21. Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011.

22. Руденко В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург: ИФИП УрО РАН, 2003.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня многочисленные специалисты – философы, социологи, политологи, культурологи – все чаще говорят о несовершенстве западной политической системы, многие проявления которой нам пытались устойчиво навязать в 1990-е гг. Именно тогда в условиях пересмотра многих страниц отечественной истории в очередной раз всплыла тенденция навязать образ России, как некий авторитарный или даже тоталитарный. А ведь даже для ранней русской истории характерно сочетание княжеской власти с вечевым управлением. К слову, последнее является одним из любопытных примеров прямой демократии, споры о которой сегодня усилились в рамках новых возможностей современных информационно-коммуникационных технологий.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является прямая демократия как нормативный идеал. Автор ставит своими задачами проанализировать достоинства, недостатки и место прямой демократии, а также определить, можно ли рассматривать прямую демократию как идеальную модель демократии.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится осуществить критический анализ прямой демократии. Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует

отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем на сочинения одного из «отцов-основателей» США Томаса Джефферсона. Из используемых автором трудов отметим работы Р. Даля, Д. Альтмана, В.Н. Руденко и других специалистов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения прямой демократии. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как демократией, в целом, так и прямой демократией, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «под институтами прямой демократии мы далее будем понимать референдумы (в т.ч. абrogативные, а также связанные с законодательной инициативой) и т.п. формы принятия решений, предполагающие голосование или учет мнений граждан (членство в группах давления, консультативных советах, участие в демонстрациях и пр.), в то время как политические выборы (а также всё, что с ними так или иначе связано), следуя другим авторам, к институтам прямой демократии относить не будем». В работе показано, что «в условиях современного кризиса легитимности представительной формы правления ставка на прямую демократию весьма перспективна, а сферу прямой демократии следует радикально расширить по сравнению с тем, который на данный момент присутствует в большинстве западных государств, даже несмотря на то, что институты прямой демократии не являются панацеей, и представляют собой лишь периодическое дополнение к постоянно действующим органам власти». Примечательно, что как отмечается в работе «многие исследователи подчеркивают, что количество референдумов в мире стабильно растет последние полвека, однако на самом деле тенденция эта не линейна, к тому же общая статистика складывается под значительным влиянием лишь нескольких стран или конкретных проблем (европейская интеграция, распад СССР и т.п.), а помимо количества референдумов должно учитывать и их качество».

Главным выводом статьи является то, что «реформирование институтов прямой демократии имеет большой потенциал для большинства государств».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по политологии, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечание: в тексте даются ссылки на нумерацию источников, отсутствующих в списке литературы.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Право и политика».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает политико-философский концепт прямой демократии. Автор справедливо связывает высокую степень актуальности выбранной темы с наблюдаемым во многих странах мира кризисом представительной демократии и необходимостью институционализации неких дополнительных механизмов легитимации власти и принимаемых ею политических решений. К сожалению, сам автор не дал себе труда должным образом раскрыть и аргументировать собственный теоретико-методологический выбор. Однако рецензируемая работа явно выполнена в политико-философской критической традиции (в кантовском смысле) с применением методов критического концептуального и нормативного видов анализа. Обнаруживаются также следы применения институционального метода (при анализе конкретных институтов прямой демократии). Вполне корректное применение этих методов имеет следствием тот факт, что полученные автором результаты содержат некоторые элементы научной новизны. Прежде всего, речь идёт о систематизированных ограничениях прямой демократии, описанных автором. Однако ещё больший интерес представляют сформулированные рекомендации по усилению положительных качеств этой формы правления. Наконец, обсуждения в научном сообществе заслуживает вывод автора о необходимости расширять институты и практики прямой демократии в ситуации наблюдаемого кризиса демократии представительной. В структурном плане рецензируемая статья вызывает сложные чувства: с одной стороны, её логика достаточно последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования, но с другой стороны, остаётся неясным, зачем выделять один большой раздел в основной части текста, да ещё и с «всеобъемлющим» заголовком «Достоинства, недостатки и место прямой демократии», вместо того, чтобы разбить его на подразделы (например: «Достоинства прямой демократии», «Недостатки...» и т. д.)? Стиль статьи – по большей части нормативно-философский, сочетаемый с научно-аналитическим.

В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, заголовки основной части статьи, перечисляя неоднородные явления, стилистически некорректен: «Достоинства, недостатки и место прямой демократии»; и др.) и грамматических (например, ошибки в согласовании предложений: «Среди основных достоинств прямой демократии необходимо выделить способствование чувству гражданственности..., поддержанию легитимности и подконтрольности власти, преодолению политического отчуждения..., а также учет коллективного жизненного опыта народа и способствование публичному обсуждению важных проблем»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 22 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя рецензенту показалось несколько странным отсутствие классических работ по данной теме: «Демократия и рынок» А. Пшеворски, «Демократия и тоталитаризм» Р. Арона, «Демократия» Ч. Тилли, «Чтобы демократия сработала» Р. Патнэма и многих других. Впрочем, тема демократии неисчерпаема, поэтому авторский выбор источников вполне можно признать правомерным. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении достоинств и недостатков институтов прямой демократии.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны политологам, политическим социологам, политическим философам, специалистам в области политической теории, а также студентам перечисленных специальностей.

Представленный материал соответствует тематике журнала «Право и политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.